
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

О.В. Аксенова*

Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

В статье рассматривается отношение современных российских профессионалов к инновациям, основанное на ценностях, сложившихся в течение трех столетий модернизации. Уточнено понятие современности: постмодерн в профессионально-управленческой сфере представлен гибкой технологической системой, глубоким разделением труда и высокой специализаций, формализованными человеческими взаимодействиями, а также лимитированной субъектностью человека. Нормы и ценности определяются как внешние и внутренние регуляторы действий профессионалов. Ведущую роль в технологической системе постмодерна играют внешние регуляторы, тогда как в российском и советском индустриализме приоритетным является ценностное регулирование. Показана исторически сложившаяся трактовка российскими профессионалами модернизации как развития, которое включает в себя научно-технический прогресс и всестороннее развитие человека. Выявлена прогрессистская традиция профессиональной деятельности, в которой профессиональные и гражданские ценности связаны практически неразрывно. Современные институциональные инновации, внедряемые в ходе реформирования различных отраслей, можно разделить на те, что профессионалы принимают, и те, что ими категорически отвергаются. Определены основные критерии оценки данных инноваций. Главными из них являются сохранение субъектности человека в сфере профессионально-управленческой деятельности, а также осмысленность и ценностное обоснование его действий.

Ключевые слова: модернизация; инновации; реформа; технологическая система; традиция; профессионалы; ценности

Институциональные и ценностные перемены в российском обществе находятся в центре социологического дискурса, связанного с проблемами модернизации. Важной, с нашей точки зрения, особенностью исследований этих трансформаций является их нормативность, неизбежная по причине заранее заданной цели, которой является состояние современности, достигнутое в развитых западных странах (модерн или постмодерн в зависимости от эпохи). Ценности становятся одним из главных препятствий на пути общества к достижению данной цели, так как в отличие от институтов они меняются трудно и медленно [4; 5; 9]. Институциональные изменения нередко вызывают отторжение на ценностном уровне, в том числе у профессионалов и управленцев, которые должны их осуществлять. Это неприятие перемен, с нашей точки зрения, нельзя свести к противостоянию возникающего нового и отживающего старого. В этой связи необходимо разобраться в том, что представляет собой традиция, какие инновации ею принимаются и какие отвергаются, по каким причинам это происходит, наконец, что именно следует изменить: ценности, реформы или саму цель реформ.

В данной статье представлены результаты анализа, направленного на выявление ценностей и основанных на них установок российских профессионалов (ин-

* © О.В. Аксенова, 2016.

женеров и врачей), которые делают неприемлемыми или, наоборот, желательными инновации, внедряемые в ходе современной модернизации (1).

Прежде чем перейти к рассмотрению ценностей российских профессионалов, нужно уточнить ряд категорий. Прежде всего сама цель трансформаций, современность, здесь не связана с привычным социально-политическим набором свойств (выборная власть, гражданское общество, права человека и т.п.). Постмодерн в профессионально-управленческой сфере представлен гибкой технологической системой, глубоким разделением труда и высокой специализаций. Человеческие взаимоотношения в этой системе формализованы и функционализированы, субъектность человека если не исчезла полностью, то существенно лимитирована, поскольку необходимость строгого следования технологическому алгоритму не оставляет человеку свободы профессионального действия [10]. Ценностное регулирование этого действия сомнительно, несмотря на наличие раздела «корпоративные ценности» на сайтах транснациональных компаний. Главными регуляторами в указанной сфере скорее являются нормы.

Следует отметить, что четко определенной границы между ценностью и нормой нет. Часто эти понятия используются практически как синонимы. Общепринятым определением ценностей является предложенная Н. Смелзером и Э. Гидденсом их трактовка как идеальных целей и принципов, способов их достижения или реализации, детерминированных культурой или являющихся ее элементами (2). В свою очередь нормы — это правила, предписывающие или запрещающие определенный тип поведения, их действие обеспечивается различного рода санкциями [7]. Э. Гидденс полагает, что ценность есть абстрактный идеал, а норма определяет конкретно, что можно, а что нельзя [2].

Специфика системы, в которой действуют профессионалы, диктует иное разграничение ценности и нормы. В рамках представленного здесь анализа норма определяется как внешний ограничитель действий профессионала, как инструкция, правило, алгоритм, приказ и т.п. Ее интериоризация сводится к выучиванию наизусть. Ценность рассматривается в соответствии с указанным выше определением как идеальная цель или жизненный принцип, как регулятор внутренний в том смысле, что он требует понимания и эмоционального переживания. Высокоразвитая технологическая система строится на внешних ограничителях. Они, в отличие от ценностей, поддаются исчислению, предсказуемы, а потому надежны. Ценности в ней предельно редуцированы: жизненным принципом здесь может быть лишь безоговорочное выполнение алгоритма, не подразумевающее его осмысление или понимание.

Наши исследования показали, что одной из главных особенностей российского модерна является сохранение субъектности профессионала на всех этапах его становления, начиная от реформ Петра I. Российский и советский профессионал должен был обладать фундаментальными научными знаниями, умением самостоятельно мыслить и принимать решения. При всей значимости норм ценности играли ведущую роль в регулировании его деятельности. Главными из них являются следующие: ценность своего дела и установка на достижение мастерства

в нем, свобода профессионального действия и ответственность за его выполнение, прогресс, понимаемый как развитие науки, техники и всестороннее развитие самого человека [1]. Кроме того, профессиональные ценности неотделимы от гражданских. Наши респонденты в число профессиональных принципов своей деятельности включают порядочность, совесть, справедливость, активную жизненную позицию и ряд других.

Ценности российских профессионалов формировались в течение трехсот лет российской модернизации, а потому их можно считать традиционными. Практически все реформы в России начинались с попыток «клонировать» западную организационно-технологическую систему. Последняя была предпринята в период советской индустриализации. Институциональные трансформации были ориентированы на подготовку узкого специалиста, выполняющего строго определенную функцию. Однако уже в конце 1930-х гг. традиционный подход к профессиональной деятельности был реставрирован [7]. Индустриализация, проводившаяся в экстремально сжатые сроки, требовала профессионала-универсала, способного действовать автономно, при необходимости отступать от инструкции, но так, чтобы это не привело к катастрофе. Для этого ему нужны были достаточно глубокие научные знания.

Современная ситуация во многом близка к той, что имела место почти сто лет назад. Модернизация в очередной раз носит догоняющий характер. Так же, как и в начале 1930-х гг., предпринимается попытка создать в России технологическую систему западного типа, с ее приоритетом внешних нормативных регуляторов, с формализованной парадигмой управления. Главным источником такого рода трансформаций в профессионально-управленческой сфере снова является управляющий центр.

Отношение профессионалов к осуществляемым реформам нельзя охарактеризовать как однозначно положительное или отрицательные. Есть целый ряд инноваций, которые они отвергают категорически, но есть и те, которые они принимают.

Прежде всего, все без исключения наши респонденты отрицательно относятся к реформированию образования. Неприемлемыми являются переход к очень узкой специализации, к тестовой проверке знаний, а также коммерциализация университетской подготовки. Например, наш респондент, инженер, на практике знакомый с работой коллег в Австрии, Германии, Чехии, уверен, что для России копирование их модели опасно, и свою позицию аргументирует. Его сопоставление западной и советской инженерных школ мы приводим почти полностью: *«Наше образование приближается к западноевропейскому. У них цепочка подготовки начинается в детском саду, потом продолжается в школе. Дети сами ничего не решают, за них решения уже в начальной школе принимают, проверяют по методикам, если есть предрасположенность к техническим наукам, будет специалистом технической направленности. Ближе к высшей школе корректируют, сужают специализацию и учат дальше. Прежде чем поступать в университет, необходимо найти рабочее место, заключается контракт между университе-*

том, студентом и будущим работодателем. В университете они получают очень конкретные компетенции, заканчивают университет в 25 лет, идут на конкретное рабочее место. Специалист в результате настолько узок, что переместить его на другую специальность невозможно. Если не нашел себя, не вписался, то это катастрофа для всех. Если может уйти к конкуренту, должен заплатить своей компании. У советской инженерной школы широкие знания позволяют понять любой процесс, адаптироваться к любой системе. Для обороноспособности страны — это очень хорошо. Потери во время войны компенсировались, приходили специалисты, которые осваивались на новой работе после короткого промежутка времени. У нас сложился отдельный уклад, не надо перенимать модели Западной Европы. Молодые специалисты уже немного другие, у них другая реализация жизненной программы, а жизненная программа задается семьей и системой образования. Приходит специалист по-европейски узкоспециализированный, узкозачоченный, его приходится переобучать. Нет нужды в такой предельно узкой ориентации, в 90% все равно надо адаптироваться к предприятию. К тому же у них система образования платная. Россия страна бедная, у нас почти нет среднего класса, а молодежь — наше будущее. Платность закрывает образование способным детям из множества семей, которые не могут заплатить за учебу. У советской системы образования была человечность, ориентированность на социум. Не было цели производить услуги. Цель была дать образование детям из как можно более широких слоев населения. На Западе нет ориентированности на социум. Сейчас заказчики системы образования — корпорации, часто глобальные. В каждой стране они оставляют заявки, сколько и какого образования им надо, а все остальные по остаточному методу. Бюджетных мест с каждым годом все меньше, они сокращаются. Все это подрыв обороноспособности страны».

Тестовая система проверки знаний ведет к катастрофе, по мнению профессионалов старших поколений, а это обширная возрастная группа 35—80 лет), с ними согласны и респонденты из числа молодых инженеров и врачей (25—30 лет), некоторые студенты (20 лет). Например, студент-медик характеризует обучение в своем вузе следующим образом: «Как учились мои родители, и как учимся мы — это небо и земля. Мы в яме. Их учили думать, а нас — вы зубрить и ответить». Такую же оценку дает инженер среднего возраста: «Сейчас выпускники технических вузов не понимают истинных, глубинных процессов. Когда я на пальцах им начинаю рассказывать, они удивляются, что это можно так объяснить. Я говорю, что можно представить собственное тело как конструкцию, тогда многое станет понятно». С ним солидарен его восьмидесятилетний коллега: «Молодежь чудесная, прекрасно разбирается в программах, я и сам их все освоил, но программы очень плохо работают в узлах конструкции, а ребята не понимают физических процессов, которые в них происходят, и это опасно».

Практически все респонденты медики говорили о важности клинического мышления, определяя его так же, как известный невропатолог Л.Б. Лихтерман: «Клиническое мышление — это реализация высшей формы отражательной деятельности мозга, человеческого познания, мыслительных операций (анализ и син-

тез, сравнение и различие, суждения и умозаключения, абстракции, обобщения и др.) применительно к задачам медицинской диагностики, прогностики и тактики лечения. Исходя из этого общего определения полагаю, что клиническое мышление врача есть способность охватить, проанализировать и синтезировать все данные о больном, полученные различными путями, при одновременном сравнении с ранее встречавшимися наблюдениями, книжными знаниями и интуицией (опытом) для установления индивидуального диагноза, прогноза и тактики лечения» [3]. На языке бытового клиническое мышление есть умение думать, опираясь на знания фундаментальных законов природы, используя интуицию.

По мнению врачей, реформа образования не позволяет данному типу мышления сформироваться: *«У врача должно быть клиническое мышление. Люди, которые выросли на тестах, не умеют разговаривать с пациентом и не умеют думать. В клинической задаче нет вариантов ответа, более того, в медицине вполне возможно, что дважды два не четыре, а десять. Медицина, она конечно доказательная, но организмы разные бывают»* (из интервью с заведующей отделением).

Неприятие вызывает и формализация труда, а также разрушение целостности его предмета. С этими процессами тесно связано и вымывание гражданских ценностей, на необходимости которых настаивают наши респонденты. Особо наглядно традиционные ценностные ориентации российских профессионалов проявляются в реакции участковых терапевтов на реформу городских поликлиник в Москве: *«У нас убрали вызовы. Я работаю в поликлинике 17 лет, для меня это страшно. Я знаю своих бабуль-хроников много лет. Сейчас к бабушке приходит дежурный доктор, который ее видит первый раз. Ему надо за пятнадцать минут про нее все понять. Потом придет совсем другой врач. Потом ко мне придут ее родственники: «Бога ради, назначьте что-нибудь!». Я не имею право назначать заочно. Значит, либо ты бежишь в свободное время, либо должен сказать им, чтобы выкручивались сами. Поэтому, несмотря на то, что участковый врач сохраняется, я считаю, что больные брошены. Дело не в том, что на вызовы плохие врачи могут ездить, просто вникнуть во все им не реально»; «Нужно вернуть прежний прием и вызовы. Я своих бабушек не вижу. Имею право четырех больных раз в месяц посетить (патронаж), должна выбрать кого, этого совершенно недостаточно»* (из интервью с участковыми терапевтами).

Участковый терапевт был центральным звеном советской системы здравоохранения, созданной Н.А. Семашко на основе опыта земской медицины. Установка на ответственность за своих больных сохранилась в полной мере до настоящего времени. Опрошенные нами терапевты говорили о профессиональной совести, которая заставляет работать в свободное время, об ответственности за больных на своем участке. Ответственность не делает жизнь комфортной, в то же время врачи испытывают дискомфорт от ее нормативной, институциональной отмены.

В то же время есть составляющие реформы, которые одобряются врачами. Прежде всего, это упорядочение приема и облегчение записи пациентов на прием. Сейчас в Москве это можно сделать через Интернет, пользуясь смартфоном. Устраивает врачей и ограниченное количество пациентов. При этом они негативно

относятся к восьмичасовому рабочему дню, так как, по их словам, внимание доктор может концентрировать в течении максимум шести часов.

Есть еще один элемент реформы, который может быть принят, но при определенных условиях. Московские терапевты уже обязаны лечить пациентов самостоятельно, направлять их к узким специалистам лишь в случае, если в течение определенного срока не смогли справиться с болезнью. Кабинет врача общей практики, пока еще не созданный, предполагает и наличие необходимого оборудования, включая офтальмологическое. Идея менее специализированного подхода к лечению больного соответствует традиционным установкам: *«Я не люблю перекладывать своих пациентов узким специалистам. Я многое готова лечить сама, поэтому я не против быть врачом общей практики. Это здорово: сам думаешь и сам принимаешь решение»* (из интервью с терапевтом). Условие, при котором данная инновация может быть привлекательна и оценивается как перспективная для России: наличие клинического мышления. Доктор должен уметь думать.

В то же время стандарт оценивается положительно, если он определяет, например, ряд общих обязательных действий, которые нельзя нарушить. Выпускник медицинского вуза эту последовательность обязан знать наизусть. Этот алгоритм служит своего рода «защитой от дурака», и уж точно защитой от рисков, которые рождены неопытностью молодого врача. Одновременно, заданная и заученная последовательность не должна распространяться на весь мыслительный процесс. Примерно так же оценивают необходимость стандарта и врачи скорой помощи. Они полагают, что стандарты деятельности, во-первых, нужны контролирующим организациям, во-вторых, минимизируют ущерб от действий человека, неспособного к профессиональной рефлексии: *«Любые стандартизованные рекомендации не возбраняют использование мысли, но коль мыслить не желаешь, так хоть веди больного по стандартам»* [6].

Технические инновации необходимы. В цитируемой выше статье Л.Б. Лихтермана их приемлемость обосновывается следующим образом: *«Инструментальные находки расширяют количество признаков, используемых для распознавания патологии и чрезвычайно облегчают задачу, однако никак не могут сузить или подменить клиническое мышление. Врач всегда предпочтет безопасный и кратчайший (прежде всего в интересах больного) путь к диагнозу, а он, конечно, лежит через методы неинвазивного экспресс-видения патологии. Значит ли это, что техницизм угрожает клиническому мышлению? Нет, если не подменяет, а обогащает его «картинками». Проблема сводится не к замене клинического мышления инструментальными находками, а к освобождению клинического мышления для оперирования этими же находками в интересах диагноза и, в конечном счете, больного»* [3].

Точно так же видят роль технических инструментов, программ или нормативных инноваций практически все опрошенные нами профессионалы. Подобные инновации нужны, но они не должны заменять собой мыслительный процесс, не должны вытеснять ответственность и совесть.

Итак, образ модернизации, прошедшей через фильтр традиционных ценностей, вырисовывается достаточно четко: в центре формирующейся системы дол-

жен оставаться профессионал, обладающий универсальной подготовкой, умеющий думать, то есть анализировать, сопоставлять, делать выводы, используя при этом знание законов природы и собственную интуицию. Формальная норма необходима, однако до определенного предела, которым и является свободное профессиональное мышление и профессиональные ценности. Точно такую же роль должны играть технические инновации: они расширяют возможности профессионала, а не редуцируют их к функции. Кроме того, модернизация не должна разрушать целостность предмета профессиональной деятельности. Деструкция этой целостности воспринимается крайне болезненно. Таким образом, инновация институциональная будет одобрена традицией, если она усиливает субъектность человека в процессе труда, увеличивает его возможности, позволяет актуализировать его ценности.

Постоянное воспроизводство такого подхода к модернизации и устойчивость традиционных профессиональных ценностей обусловлены сложностью, неопределенностью и разнообразием среды, в которой осуществляется профессиональная деятельность, отсутствием тотальной унификации, необходимой для успешного функционирования технологической системы. Для профессионалов старой школы характерно, во-первых, четкое понимание постоянного наличия факторов, которые нельзя предсказать и учесть; во-вторых, целостное восприятие предмета своего труда, сохраняющееся даже у относительно узких специалистов.

Передача функций субъекта действия на уровень системы, как это происходит в технологически развитых странах, неприемлема и вызывает сопротивление. Нормативное регулирование просто и надежно. Действия профессионала абсолютно предсказуемы, так как каждый его шаг предписан. Однако в норме невозможно предусмотреть всего, в итоге в сложных ситуациях ускользает не только профессиональная, но и бытовая логика. Система теряет результативность, а в иных случаях становится опасной. Так, по словам участковых терапевтов, призванная улучшить качество новая система привела к его падению.

До сих пор в России успешной была модернизация, которая проходила через фильтр традиции, причем традиции не архаической, но прогрессивной по своей сути. Предсказать итоги современных реформ трудно, так как давление глобальной экономической и технологической системы велико. Но следует иметь в виду, что традиционные ценности российских профессионалов не допускали инновации, которые на самом деле могли затормозить развитие страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Анализ выполнен на основании данных, полученных в ходе исследования роли профессионала-актора в функционировании системы управления, которое было осуществлено автором в 2009—2016 гг. Основными методами сбора данных были глубинные интервью (103 интервью), анализ воспоминаний, опубликованных (в том числе в Интернете) и хранящихся в домашних архивах, письмах, публикации в СМИ, связанные так или иначе с деятельностью советских и российских профессионалов, с проявлением их профессионального и гражданского активизма (70 источников). Был проведен также вторичный анализ отечественных исторических исследований российских реформ XVIII—XX веков.

- (2) «Ценности — это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов...» [5. С. 50]; «Фундаментальными для любой культуры являются представления о том, что должно считаться важным, стоящим и желательным. Эти абстрактные идеи, или ценности, помогают человеку направлять свою жизнь в нужное русло и придавать ей смысл» [2. С. 34].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аксенова О.В.* Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016.
- [2] *Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- [3] *Лихтерман Л.Б.* Что такое клиническое мышление. Размышления опытного врача // Медицинская газета. 2000. № 41.
- [4] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Мировосприятие российской молодежи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4.
- [5] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [6] Неформальный сайт врачей скорой помощи // URL: <http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03>.
- [7] *Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
- [8] *Тимошенко С.П.* Инженерное образование в России. Люберцы: ВИНТИ, 1997.
- [9] *Catton W.R., Danlop R.E.* Environmental sociology and new paradigms // The American Sociologist. 1978. № 13.
- [10] *Latour B.* Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

TRADITIONAL VALUES OF RUSSIAN PROFESSIONALS UNDER THE MODERNIZATION

O.V. Aksenova

Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The paper considers the attitudes of the Russian professionals to the innovations based on the values that developed during three centuries of modernization. The author defines the concept 'modernity' as a flexible technological system with the deep labor division and high specialization, formalized social interaction and limited individual agency. The article considers norms and values as external and internal regulators of the professionals' choices and activities. The external regulation plays the key role in the technological system of the postmodern type, while the Russian and Soviet industrialism gave priority to the regulation through the values. The author shows that the Russian professionals perceive modernization as both the scientific-industrial progress and the comprehensive development of a personality; such a progressivist interpretation of the professional work combines professional and civil values. Modern institutional innovations implemented under the reforms in different branches can be divided into two groups — accepted and rejected by the professionals. The main criteria of these innovations' estimates is preservation of the human agency in the professional-managerial sphere, and at the same time reflexivity and value-based social actions.

Key words: modernization; innovation; reforms; technological system; traditions; professionals; values

REFERENCES

- [1] *Aksenova O.V.* Paradigma social'nogo dejstviya: professionaly v rossijskoj modernizacii [Paradigm of social action: Professionals under the Russian modernization]. M.: IS RAN, 2016.
- [2] *Giddens A.* Sociologiya [Sociology]. M.: Editorial URSS, 2005.
- [3] *Lichterman L.B.* Chto takoe klinicheskoe myshlenie. Razmyshleniya opytnogo vracha. [What is the clinical thinking. Reflections of the experienced doctor]. Medicinskaya gazeta. 2000. № 41.
- [4] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Mirovosprijatie rossijskoj molodezhi: patrioticheskie i geopoliticheskie komponenty [The Russian youth outlook: Patriotic and geopolitical components]. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2014. No. 4.
- [5] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Strahi i opasenija rossijskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoj fiksacii [Fears and hopes of the Russian student youth: Possibilities of empirical study]. Teorija i praktika obschestvennogo razvitija. 2014. No. 2.
- [6] Neformal'nyj sajt vrachej skoroj pomoshchi [Non-official site of the ambulance doctors]. URL: <http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03>.
- [7] *Smelser N.* Sociologiya [Sociology]. M.: Feniks, 1994.
- [8] *Timoshenko S.P.* Inzhenernoe obrazovanie v Rossii [Engineering education in Russia]. Lyubercy: VINITI, 1997.